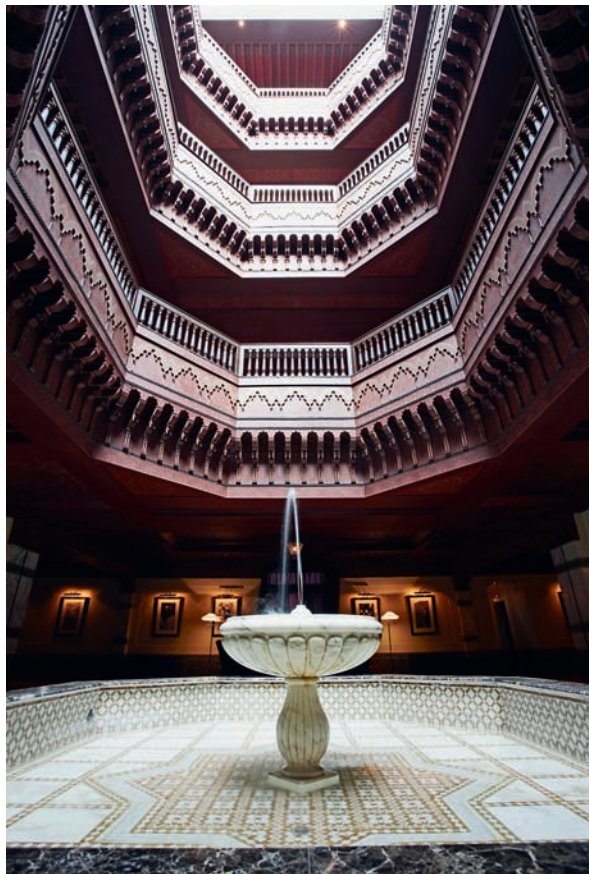

Отель как фильм и как песня

90 лет La Mamounia

Эдуард Дорожкин |

LA MAMOUNIA

никогда не была спасительным
прибежищем для экономных людей

МНОГО ЛЕТ НАЗАД,

году эдак в двухтысячном, отель La Mamounia принимал первых гостей из заснеженной России. Дорого им можно было продать что угодно: сигару, подобную той, которую курил один из самых знаменитых постояльцев гостиницы — сэр Уинстон Черчилль, — виски из той бутылки, из которой он пил, вид с разваливающейся кровати на сады, по которым он ходил и которые со всей силой островного своего таланта изобразил в серии пейзажей, выставленных теперь в лондонских Churchill War Rooms.

Одна девушка, главный редактор самого популярного на тот момент глянцевого журнала, говорила так: «Я упилась так, что мне начали мерещиться козы на деревьях». Ее успокоили: это не «белочка», точнее — не «козочка», североафриканские козы и вправду любят проводить время на ветвях наподобие утомленных солнцем русалок.

Главная площадь Марракеша, пахучая Джама-эль-Фна, сады Мажорея с тогда еще живым Ивом Сен-Лораном, которому

мы, будем честны, обязаны модой на Марракеш, потрясавший воображение «сука» (le souk), то есть рынок, с которого путешественники уходили с адским даже пощадищим меркам «Аэрофлота» переводом, — от многого тогда могла пойти кругом голова.

Отель представлял собой «Лебеда» в исполнении Плисецкой последних лет танца: он красиво, замечательно, но все-таки с неприятными физиологическими подробностями вроде бетонных плит у бассейна и немишленовского аромата в коридорах умирал. La Mamounia, открывшаяся в 1923-м и названная так в честь некоего принца Мамуна (на мой взгляд, никогда не существовавшего), этот шедевр марокканского стиля в сочетании с ар-деко, явно нуждалась в новом сказочном герое — принце с современными знаниями о вкусе и нравах постояльцев, способных заплатить £3 тыс. за номер в сутки и £1500 за бутылку супертосканского в ресторане. Такой принц немедленно выискался из числа собственно

постояльцев. Реконструкцию без сноса, но с полной заменой атмосферы предприимчивые владельцы гостиницы, марокканские железнодорожники, поручили знаменитому Жаку Гарсиа, аккуратно проводившему в отеле-дворце каждый свободный от работ по уничтожению других отелей-дворцов уикенд. Маэстро полумрака, леопардовых накидок и деревянных панелей с кожаными вставками взялся за дело со рвением даже большим, чем обычно. Он уменьшил число номеров, затемнил лобби так, что теперь каждая женщина кажется здесь Хиллари Клинтон (бывший госсекретарь и вправду была тут на форуме, известном как Африканский Давос) или, на худой конец, Сарой Джессикой Паркер, жившей здесь во время очередных съемок, а мужчина — членом Совета федерации или в худшем случае какого-нибудь другого достойнейшего хурала, ибо ровно такие мужчины теперь лежат у мамуниевского бассейна.

La Mamounia никогда не была спасительным прибежищем для экономных людей, а теперь, после того как мсье Гарсиа освоил рекордный бюджет в £180 млн, ей уже и поздно начинать. На одном из величайших аукционов в новейшей истории в марракешском Дворце конгрессов на бульваре Мухаммеда VI было продано шесть тысяч предметов интерьера из ушедшей в прошлое «Мамунии» — от мраморных колонн и старых дверей относительной ценности до будучих пуховиков и статуэток ценности совершенно очевидной. Если положить руку на сердце, аукцион «Мамунии» дал возможность очень многим организациям и частным лицам создать аутентичный интерьер, и взгляд человека опытного нет-нет да и выхватит где-нибудь в Mandarin Oriental, Barrière или Rocco Forte что-то до боли знакомое из места, которое мы все потеряли. Royal Mansour — то, конечно, другое дело, деньги Его Величества, а величества ведь не пользуют секунд-хендом, если это только не Рембрандт с Рафаэлем.

С новыми силами «Мамуния» бросилась в бой вовремя — ровно в тот момент,

когда из милого места для парижских интеллектуалов с отчетливо левым душком Марракеш превратился в точку для массового туризма класса люкс. Уже никто из торговцев не приветствует белых людей криками «девятьсто процентов», никто не дергает их за рукав в попытке не отпустить с соседнюю лавку, цены на рынке выросли в разы, алкоголь свободно продается в любом супермаркете, из Касабланки, где приземляются большинство европейских рейсов, в «Мамунию» ведет чудесная дорога — нам бы такие. Жизнь продолжается, и «Мамуния», превращенная Гарсиа из шедевра ар-деко в шедевр марокканской архитектуры с распыляемыми во всех общественных помещениях мускусными ароматами и спа-прямоком из арабских сказок, занимает в этом новом мире прочное первое место. Кто бы ни стучался в Марракеш, он столкнется с тем, что в лучших, самых пушистых, теплых и дорогих тапках уже расхаживает принц Мамун. Интересно, осталось ли что-нибудь в бутылке виски, из которой пил еще сам Черчилль, а за ним Хичкок (снявший здесь «Человека, который слишком много знал», а значит, премьеру песни «Que sera, sera»), королева Елизавета II и Нельсон Мандела? Будет что будет? Да. Потому что чего было не вернуть. Возможно, когда-нибудь в «Мамунии» снимут фильм и с такой песней.

